

Писатели нашего времени

Игорь Вайсман

ОСКОЛКИ ЧУВСТВ

18+

Игорь Серафимович Вайсман

Осколки чувств

Серия «Писатели нашего времени»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74669876

Осколки чувств : сборник рассказов / И. Вайсман: Четыре; СПб; 2026

ISBN 978-5-908165-72-3

Аннотация

Вы когда-нибудь умирали от любви, а потом оказывалось, что это был просто сбой в программе?

Игорь Вайсман в сборнике «Осколки чувств» безжалостно разбирает механику «вечной преданности». Его герои годами молятся на неприступные образы, тратят состояния на подарки и пишут стихи в пустоту. Но стоит «неземной» красавице сойти с пьедестала и ответить взаимностью, как магия исчезает, оставляя лишь пустой бак и вопрос: «А любил ли я вообще?».

Здесь нет соплей и сладкой лжи. Здесь хирургическая проза о том, как мы путаем одержимость с любовью, а жалость принимаем за нежность. Восемь рассказов – восемь способов разбиться о собственные иллюзии.

Содержание

Застрял!	5
Ася так и не пришла...	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Игорь Вайсман

Осколки чувств

© И. Вайсман, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Ненавижу себя! Потому – эгоист.

Отношенья дробя, я пытаюсь достать

Сладких крошек любви, дабы внутренний свист

Заглушить. Избави Бог вас это познать!

Олег Салдеев

Автор выражает благодарность Екатерине Николаевой (Санкт-Петербург) и Олегу Салдееву (Уфа) за плодотворное участие в издании книги, благодаря которому она приобрела законченный вид.

С уважением, И. Вайсман

Застрял!

Говорят, сердечные увлечения проходят чаще всего через полтора года. Психотерапевты рассчитали этот срок на основании изучения многочисленных фактов. А вот моё увлечение тянется уже семь лет. Тянется без каких-либо вариантов на взаимность, без возможности увидеть или услышать голос дамы сердца. Без возможности даже написать письмо, отправить SMS или пообщаться в интернете. И это при том, что я знаю и место её работы, и телефон, и координаты в интернете. Нельзя мне ничего делать – табу! Сделаю – получу одни неприятности.

«А чего ты тогда за неё держишься? На ней что, свет клином сошёлся?» – вот вопрос, который непременно задают близкие мне люди.

А ведь и в самом деле сошёлся! Я даже думать не хочу о том, чтобы обратить внимание на другую. Она – нечто совершенно отдельное, не сравнимое ни с кем. Она – женщина номер один в мире, во всей Вселенной. А если точнее: нет женщины номер два, как и вообще нет никакого женского рейтинга! Нет и быть не может! Таково моё ощущение. На чём оно основано, я понятия не имею. Вопрос этот не обсуждается и даже не поднимается. Просто нет такого вопроса, и всё!

Моим близким эта ничем не оправданная упёртость непо-

нятна: «Ты же сам себя гроишь!» – говорят они, пытаюсь мне помочь. Но я всегда лишь отмахиваюсь вместо ответа. Но вот сегодня вдруг задумался: а и в самом деле, зачем держусь за неё? И мне сразу стало ясно, что ответ на этот вопрос весьма непростой. Боюсь, я вообще не знаю ответа. Могу только перебрать варианты и гадать, какой из них правильный.

Первое объяснение своей зависимости было мистическим. С самого начала возникло ощущение, что это устроили потусторонние силы с одной им ведомой целью. Такой мысли способствовала масса различных совпадений и знаков. С годами это ощущение ослабло, тем не менее если спросить себя: «Зачем я дарю ей дорогие подарки, зачем трачу столько сил и средств, если всё безрезультатно?», то ответ будет такой: «Во мне что-то сидит, какая-то непобедимая сила, которая заставляет всё это делать. Сопротивляться ей я не в состоянии. Эта сила полностью завладела моим рассудком и подчинила мою волю. Даже когда от отчаяния я делаю явные глупости, всё равно не в силах себя остановить».

Я веду себя словно робот, которому поменяли программу. Но ведь сам, добровольно, я не стал бы надевать на шею такой хомут! Да и никакой земной человек, если бы захотел, не смог бы такое со мной сотворить. Стало быть, это работа неземных существ. Зачем они это сделали со мной? Этого можно и никогда не узнать. Можно только гадать. Думаю,

что меня наказали за то, чтоб не заглядывался на девочек.

Однако мне хорошо известна истина, что причину своих проблем надо искать в себе, а не среди окружающих. И тем более не в мире д^ухов.

Так вот. То, что я испытываю к ней, очень похоже на наркотическую зависимость. Ведь доказано, что такая зависимость сводится не только к употреблению наркотиков, алкоголя, крепкого чая с кофе, лекарств, токсинов и прочего. К ней относится и компьютерная, и игровая, и любовная зависимости. И они тоже имеют химическую природу, а конкретно – гормональную. В кровь выделяются гормоны удовольствия – эндорфины, которые и приводят к зависимости. Я хорошо помню, что первые два года, когда у меня была возможность видеть предмет своего восхищения, всякий раз я испытывал невероятно острые ощущения – какую-то праную смесь радости, счастья и одновременно – горя и безысходности. Даже если я получал от ворот поворот, при всём беспредельном горе, эндорфины всё равно выделялись, просто видеть её – это радость в любом случае.

Почему я так за неё держусь? Потому, что никто и ничто не может дать мне столько эндорфинов. Если мне вдруг резко потребуется этот гормон, то как я смогу его получить без неё? Да никак. Тяги к алкоголю у меня никогда не было. Употреблять наркотики я тем более не стану. Нет ни игровой, ни компьютерной зависимости. А организму, видимо,

потребны гормоны радости. И тут появляется возможность постоянного кайфа. Раньше я за ним никогда специально не гонялся. Но когда испытал, что это такое, оказался бессильным сопротивляться.

И хотя я давно уже её не вижу, эндорфины продолжаю получать. Это происходит всякий раз, когда я делаю ей подарки. Это сладостное, острое, ни с чем не сравнимое переживание. Я представляю, как она берёт мой подарок, как ставит в вазу цветы, вижу её красоту, её глаза, губы, волосы, руки... Вижу её грациозные движения. Я как будто присутствую при этом. И получаю свой кайф, который никаким другим способом приобрести не смогу. Потому дарить ей подарки стало для меня навязчивой идеей. И хотя она всячески противится этому, я не считаюсь с её чувствами ради желанного гормона.

А может быть, дело вовсе не в химии, а в психологии? В поисках ответов на мучающие меня вопросы я начитался всяческой литературы и пришёл к выводу, что держусь за недостижимое потому, что так мне проще и удобнее жить. Эта безответная любовь упорядочивает мою жизнь, придавая ей конкретный и очень простой смысл. Он в том, чтобы служить своей прекрасной даме. Хотя это служение, по сути, нужно только мне. Она же неоднократно давала понять, что в подобного рода «слугах» не нуждается. Но я забочусь только о себе, вот и «служу»!

На каждый год я составляю план – что нужно для неё сделать и что подарить на праздники. Затем выполняю его. Это требует больших затрат времени, сил и средств – так моя жизнь и заполняется. Все свои подарки я дарю ей «исподтишка», с помощью официальных курьеров, ведь из моих рук она ничего не примет. Она, между прочим, переживает из-за этого. Только мне и дела нет до её переживаний, – мне так удобно, вот и ладно! Вся моя жизнь теперь расписана и выстроена: я отлично знаю, что следует и что не следует делать; к чему можно стремиться, к чему – нет; ради чего стоит рисковать и нести потери, а ради чего совершенно не стоит. Я отсёк всё лишнее и больше не растрачиваю себя по пустякам – очень комфортное душевное состояние! И, очевидно, оно покрывает все мои траты и дискомфорт безответной любви.

Психологи доказали, что в армии, в походе, на войне человек психологически чувствует себя лучше, чем в обычной спокойной и комфортабельной жизни. Потому, что там всё очень просто и ясно: вот это – хорошо, а это – плохо; это – друг, это – враг; это – чёрное, это – белое... Выбор элементарный, в обычной же жизни он сложен, а подчас и мучителен. Как результат – депрессия, нервные срывы, алкоголь, наркотики, суицид. Таким образом, я воспользовался своим безнадёжным чувством, чтобы упростить и облегчить свою жизнь.

Интуиция говорит мне тоном, исключаящим возражения:

такого в моей жизни больше не будет. Вот оттого-то я и «застрял»! Потерять эту не востребованную и, казалось бы, никому не нужную любовь означает утратить порядок и смысл своей жизни, заменив их хаосом. Окружающим я кажусь несчастным, но они просто не знают сути.

А что если?.. Я вот ещё о чём подумал: может, причина моей упёртости проще пареной репы и никаких хитромудрых книг читать не нужно? Не продолжаю ли я в глубине души надеяться её добиться? Это при том, что почти всё время, что я её знаю, она старалась меня избегать. Когда же этого нельзя было сделать, отворачивалась и молчала. На телефонные звонки отвечала таким тоном, что хотелось тут же повеситься. На мои письма – с жутким раздражением, обвиняя меня во всех тяжких. Всякий раз я пытался разъяснить ей, что она неправильно меня поняла, но этим только усугублял ситуацию. Ей не нужны ни мои объяснения, ни оправдания, ни письма, ни подарки, ни мои стихи, посвящённые ей. «Я их не читаю», – сказала она, да так, что моя кровь в сосудах словно превратилась в лёд.

И вот после семи лет такого отношения я ещё на что-то надеюсь?! Неспроста кто-то сказал: «Надежда – последнее, что умирает в человеке». Здравый смысл говорит: «Нет места надежде!» Приятели вторят: «Не трать зря время, лучше поищи другую!» Гадалки (все, словно сговорившись) заявляют, не задумываясь, сразу: «Это не ваша женщина! По-

старайтесь её забыть!» Но я, всякий раз получая душевную травму, не делаю никаких выводов. На что же я надеюсь? На то, что она никого не найдёт и так и останется одна? И в таком случае у неё не будет выбора? Или, хуже того, с ней случится несчастье, которое вызовет переоценку ценностей? Однажды я поймал себя даже на такой мысли: «А хорошо бы она получила травму и стала инвалидом. Вот тогда бы стала меня ценить!» Такие мысли я старался гнать прочь: «Вот ведь до чего докатился! Вот за такое и попадают в ад! Мысли ведь от Него не спрячешь – всё видит, всё фиксирует и, когда придёт время, предъявит мне счёт!»

Однако, размышляя дальше над мучающим меня вопросом, я понял, что подобные мысли – это ещё цветочки и гадостей (это её слово) во мне гораздо больше, чем я думал.

Одна актриса рассказывала про одиноких женщин, подруг по несчастью. Соберутся они на кухне, выкурят пачку сигарет за вечер и упиваются своим страданием. И даже получают от этого некое удовольствие: как всё ужасно, потому что они не могут встретить достойного мужчину!

Тут меня осенило: а не упиваюсь ли и я своим несчастьем? С той лишь разницей, что даму своей мечты я нашёл, да она меня отвергла. И не по этой ли причине она называет меня мазохистом? Очевидно, будучи уверенной, что я так ухватился за неё лишь для того, чтобы наслаждаться своим страданием. Она меня в грош не ставит, избегает, не разговари-

вает, отвергает мои подарки, язвит в мой адрес так, что со стыда можно сгореть, а я продолжаю держаться за неё и делать подарки... Вот вам и мазохист! Какой позор!

Похоже, она уверена: я потому её и выбрал, чтобы настрадаться на всю катушку. Моложе себя на целую дюжину лет, с гораздо более высоким социальным положением, красивую, умную, успешную, состоятельную, целеустремлённую, деловую, пользующуюся успехом у мужчин... Словом, совершенно недоступную для такого кавалера, как я («не по Сеньке шапка»). Если бы я увлёкся равной себе женщиной, то не получил бы такое огромное количество страданий. А я выбрал её – ну, всё ясно, о чём тут говорить!

Люди, которые видят в чувствах и отношениях только поверхностную сторону, особенно немолодые женщины, едва узнав мою историю, считают меня чуть ли не героем, а её осуждают: «Ах, какой мужчина! В наше-то время! Какая верность, какая жертвенность! А она... Подумать только, какая гордячка! Какого принца ей ещё надо?» Только, оказывается, в такой преданности ничего хорошего нет. Да и не преданность это вовсе, а навязчивый комплекс, паранойя. И она, мне кажется, давно это поняла и именно поэтому, а не по какой-то другой причине, решила держаться от меня подальше.

Но очень может быть, я держусь за неё совсем по другой причине. Это льстит моему самолюбию: «Вы все непостоян-

ные, неверные, слабые, себялюбивые, испорченные. А вот я, я – совсем другой! Я как Данте, как Петрарка, как истинные рыцари лучших времён, верен одной-единственной Прекрасной даме! Цените, завидуйте, берите пример! И зарубите себе на носу: „Я – это не то, что вы! Я – особенный! Я человек с большой буквы! И я прославлюсь, обязательно прославлюсь, вот хотя бы своей верностью!“»

Помню, о славе я мечтал с самого детства. Но она мне никогда не давалась. Что делать? Сжечь храм, как Герострат? Поубивать невинных людей, как Брейвик? Нет, такое мне не подходит. Я хочу оставить у потомков исключительно положительное мнение о себе. Мои ближайшие родственники пользуются заслуженным уважением у всех, кто их знает. Один даже вошёл в энциклопедию. А как же я? Я-то ведь больше их этого хочу и неужто буду забыт? Да ни за что! Но надо же что-то делать...

И тут как раз эта любовь подвернулась! Не получилось – ну и ладно! Зато я использую эту свою неудачу себе же на пользу. Я прославлюсь как единственный рыцарь настоящего времени. У меня будут брать интервью, обо мне напишут газеты, меня покажут по телевидению... В школах учителя будут рассказывать обо мне учащимся как об эталоне высокой любви. Дети будут писать обо мне сочинения. Может быть, обо мне даже напишет книгу какой-нибудь известный писатель. Вот зачем я так держусь за свою не востребованную, казалось бы, совсем ненужную любовь.

Только можно ли назвать эту гадость любовью?..

А возможно, причина моего якобы постоянства ещё и в том, что я просто мщу ей таким образом: «Ах, ты меня отвергла! Меня, такого положительного, такого достойного!.. Я самостоятельный, трудолюбивый, ответственный, серьёзный, деловой... Я не пью, не курю, не убиваю время в пустых развлечениях, не делаю подлостей, не прибегаю к привороту (а ведь мог бы!). А ты меня отвергла!!! Ну, вот и получи!»

Я не буду мстить так, как это делают всякие ничтожества. Не буду ругаться, оскорблять, распускать сплетни, устраивать козни... Н-е-е-т! Я выше всего этого. Я отомщу так, что тебя замучает совесть! Так, что твои же сослуживцы изведут тебя упрёками: «Ну что же ты, человек так тебе предан уже столько времени, а ты его отталкиваешь! Не будь такой неприступной крепостью!» А чтобы они почаще тебя журили, я буду регулярно напоминать о себе: каждый праздник курьер будет доставлять в твой кабинет (но в твоё отсутствие) дорогие подарки и шикарные букеты роз. «Ну почему меня никто так не любит?» – будут думать твои сотрудницы, и они съедят тебя!

Моя месть будет тотальной и продлится до самого моего конца. Но и когда я умру, тебе не удастся облегчённо вздохнуть. Наоборот, тут-то и состоится финал-апофеоз пьесы под названием «Месть отвергнутого». Я завещаю тебе свою квартиру, предварительно набив её всяким ценным ба-

рахлом и пачками наличных денег. Я буду специально вкалывать до потери пульса, чтобы тебе досталось как можно больше, — мне ведь известны твои щепетильность и совесть. Каждая вещь и каждая пачка денег будут доставлять тебе душевную боль.

И вот тогда ты наконец осознаешь, какого человека потеряла! Ты будешь ходить на мою могилу, носить цветы и рыдать! А я, глядя на твои мучения с того света, получу такое удовольствие, какое с гаком компенсирует мне все причинённые тобой страдания. Я буду упиваться твоими слезами и тем, как жестоко тебя наказал.

Ты называла меня мазохистом — это было очень унижительно слышать. А я оказался садистом! Ты не хотела меня замечать, относилась как к пустому месту. Теперь-то поняла, что я — всё что угодно, но только не пустое место? Получи же жестокий урок на всю оставшуюся жизнь! Знай: я такого отношения не прощаю!

...И вдруг я совершенно ясно и отчётливо увидел перед собой её лицо. Оно словно материализовалось из пустоты и, невесомое, парило перед моими глазами. Оно не отворачивалось и не опускало глаза, как обычно. Оно было обращено ко мне и только ко мне. В её взгляде, прямом и открытом, без тени отчуждения, читалась печаль, разочарование, упрёк и какая-то душевная боль.

Мой гнев мгновенно испарился. Меня словно окатило

ушатов холодной воды, отрезвляющей и очищающей. «А может, чушь это всё, что я тут насочинял? – подумал я, когда видение исчезло. – Может, не настолько всё ужасно? Что если я её просто люблю?»

Потом мне долго ничего не приходило в голову. Но как-то я проснулся утром и самой первой мыслью абсолютно ясно осознал, отчего же всё-таки так застрял. Это было то ли прозрение, то ли откровение. Ощущение было такое, будто передо мной открыли страницу книги, на которой и был написан ответ на столь мучивший меня вопрос. После чего вопросов у меня больше не осталось, по крайней мере, на эту тему.

Ответ был очень ясным, понятным, доступным и начисто лишённым юношеского романтизма. Он был простой, как проза жизни: я оттого застрял на целых семь лет, что не знаю, как добиться её сердца и тела. А если бы знал и добился, хотя бы одного лишь тела, мой интерес к ней давно бы пропал. Или упростился только до физического влечения.

Теперь я могу смело убирать свою гордыню в самый дальний угол. Я больше не герой романа в собственных глазах. Я самый что ни на есть заурядный, да к тому же слабый человек.

С тех пор, когда какая-нибудь пожилая женщина говорит при мне о какой-то несостоявшейся паре: «Ну, надо же, он к ней всей душой, никого, кроме неё, не замечает, и ведь уже

столько лет!.. А она!.. Подумать, какая гордячка!», я с полным знанием дела отвечаю ей: «А может, он просто не знает, как её добиться, боится, комплексует... Любовь же, постоянство, верность тут совершенно ни при чём. И она никакая не гордячка. Ей просто известно об этом, и такой мужчина её не устраивает».

Люди затаскали святое слово «любовь» так, как никакое другое. Любовью называют вождение, ревность, привязанность, гордыню... Не задумываясь, они употребляют это слово, совершенно не зная его смысла. Я тоже не знаю, что такое любовь. Это знали Данте и Петрарка.

Ася так и не пришла...

Вернувшись поздно вечером после репетиции спектакля по своей пьесе, драматург Владислав Панкратов обнаружил, что его квартирантки сбежали. Об этом недвусмысленно говорили оставленные на кухонном столе ключи от входной двери, открытая нараспашку дверь комнаты, которую они снимали, и страшный беспорядок. Их вещи, зачем-то оставленные, валялись не только по всей комнате, но и в коридоре и даже на площадке у лифта. Похоже, беглянки покидали его квартиру в большой спешке.

Сорокашестилетняя женщина по имени Алевтина и её шестнадцатилетняя дочь Аня год назад поселились в его пустующей комнате без участия риелтора. Они просто обходили подъезды и интересовались, не сдаёт ли кто жильё. Соседи посоветовали обратиться к нему как к одинокому человеку, живущему в трёхкомнатной квартире, хотя мысли кого-то у себя поселить у Панкратова не было. Но душераздирающая история Алевтины о деспоте-матери, выгнавшей их на улицу, вкупе с жалкой фигурой всхлипывающей Ани разжалобили его мягкое сердце.

Месяц квартиранты вели себя смирно. Только в первый же день вставили щеколду в двери снятой комнаты и всегда закрывались, даже если выходили на несколько минут.

«Боятся, наверное, что приставать начну (старый хрыч, а

туда же!)», – решил Владислав.

Однако, похоже, была и другая причина, так как ещё через месяц в дверь позвонил участковый и поинтересовался новыми жильцами. Их, однако, дома не оказалось.

– А что случилось? – спросил хозяин.

– Надо кое-что уточнить, – уклончиво ответил полицейский.

Ещё через неделю явились сотрудники Отдела опеки и опять по душу квартиранток.

– В чём дело? – спросил Панкратов у Алевтины, когда та готовила ужин на кухне.

– Это мать лютует. Спасу от неё нет. Откуда-то узнала, где мы живём. Не знай у неё агенты нанятые, – ответила женщина, наклонившись и выбрасывая картофельные очистки в мусорную корзину. При этом её майка задралась, и Владислав с удивлением увидел приличных размеров татуировку внизу спины в виде каких-то жутких монстров.

«Вот так увлечения у нынешних женщин, примерных воспитателей своих деток!» – подумал он про себя.

Затем кто-то испортил звонок у двери. «Как-нибудь почию», – решил драматург и за своими творческими хлопотами забыл о звонке.

И всё же засекреченная жизнь жильцов ему не нравилась, как и продолжающиеся время от времени визиты тех же служб. В довершение неприятностей Алевтина спустя полгода потеряла работу.

– Но вы не переживайте, – успокоила она хозяйина. – Я скоро устроюсь на другую и все долги верну.

Поиск работы, однако, затянулся. Точнее, квартирантка несколько раз устраивалась продавцом в небольшие магазинчики. Но увольнялась, не проработав даже недели. «Хозяин замучил своими приставаниями. Заколебали эти хачики», – всякий раз объясняла она причину очередного ухода с работы. Как-то с этим не вязался под завязку набитый хорошими продуктами холодильник, что происходило с первого же дня работы Алевтины на новом месте. Однажды Владислав даже спросил:

– На какие же средства вы купили столько продуктов?

– Мне хозяин ими аванс оплатил, – сразу нашлась женщина.

– Аванс? С первого дня работы?

– Ну а что такого? Я опытный работник, меня ценят.

У Панкратова в это время была горячая пора – в театре шла подготовка премьеры спектакля по его последней пьесе, на которую он возлагал большие надежды. Приходилось постоянно согласовывать какие-то детали с постановочной группой и завлитчастью. Поэтому приходил он домой поздно и было совсем не до квартиранток.

Лишь спустя пять месяцев он решил подсчитать, сколько же Алевтина ему задолжала, и обнаружил весьма приличную сумму.

– Послушайте, мы так не договаривались, – строго сказал

он квартирантке. — У меня и желания большого сдать комнату не было. Просто пожалел вас. Вы уже полгода не работаете. И визитёры в погонах и с удостоверениями мне как-то не нужны.

Вечером того же дня квартиранток след простыл. «Понятно, не захотели долги отдавать. Но почему они вещи свои оставили?» — недоумевал Владислав.

Даже Аня, учившаяся в школе, не забрала свои тетрадки и прочие принадлежности. Этого и вовсе нельзя было объяснить.

Раньше Алевтина дала ему номер своего телефона, но сколько бы он по нему ни звонил, никто не брал трубку.

Панкратову пришла в голову мысль узнать номер школы, в которой училась девочка, и таким образом что-то выяснить. Среди школьных тетрадей он обнаружил справку из поликлиники, в которой значилась прописка загадочных беглецов.

«Придётся съездить по этому адресу, — решил Владислав. — Не оставлять же комнату с чужими вещами в таком виде».

Странные квартиранты жили в противоположной части города в такой же девятиэтажке, как у него. Поднявшись на лифте на четвёртый этаж и найдя нужную квартиру, он обнаружил, что входная металлическая дверь была сильно искорёжена, словно её пытались взломать.

На звонки никто не ответил. Панкратов в раздумьях вы-

шел на лестничную площадку, но, так как лифт был занят, решил спуститься по лестнице. И тут между четвёртым и третьим этажами он увидел пожилую женщину в инвалидной коляске, сидевшую возле мусоропровода. На ней было зимнее пальто, меховая шапка и шаль на плечах, а в руках она крепко сжимала сумку, словно опасаясь, что отберут.

Непривычная картина озадачила драматурга. «Неужели бомжи бывают и такие?» – мелькнула мысль. Остановившись, он спросил:

– Извините, вы что, здесь живёте?

– С недавних пор да, – резким скрипучим голосом ответила колясочница.

«Какой типаж для Бабы-яги! – подумал про себя Владислав. – Да о таком любой театр мечтает. Даже гримировать не надо».

У женщины был крючковатый нос, худое сморщенное лицо, ввалившийся рот и выступающий лопатообразный подбородок. Но ещё больше с известным сказочным персонажем её объединял взгляд – недобрый, подозрительный, напроць лишённый понятия о доброжелательстве.

– А что случилось? – наконец, оправившись от шока, спросил драматург.

– Дочь выгнала, уголовница, сволочь, мразь!

– Что вы говорите! А в полицию вы обращались?

– Конечно. Десять раз звонила. Пришли только раз, когда эта тварь дверь ломала. Сказали ей, чтобы так не делала, и

ушли как ни в чём ни бывало.

– Так вы из восемьдесят седьмой квартиры? – догадался Владислав. – А дочь вашу Алевтиной зовут?

– Всё правильно. А вы кем сами будете? Любовник, что ли, её?

– Ну, для любовника я несколько староват. Она у меня комнату снимала вместе с дочкой Аней.

– А-а, вот где они жили! – воскликнула женщина. – Она случаем вас не обокрала?

– Да нет... – ответил Владислав, но в памяти тут же всплыла странная пропажа сотового телефона и банковской карты. Да и запас его продуктов заканчивался как-то слишком быстро.

– Она воровка, а вы её на квартиру пустили! – гаркнула женщина. – Она у меня золото украла почти на сто тысяч и у отца покойника все ордена и медали спёрла. А моего мужа, своего родного отца, подпоила и заставила подписать документы, что согласен поселиться в приюте, да и отправила за триста километров от города. Деньги все сняла с его счёта. Тысяч восемьдесят было. И проституцией занимается.

– Что вы говорите! Но как же вы жить теперь будете?

– Воевать буду! Я этого так не оставлю! Посажу тварь!

– А заявление в полицию вы написали?

– Как я напишу?! У меня вся правая сторона парализована!левой рукой только подпись кое-как могу поставить.

– Так давайте я за вас напишу и в полицию отнесу, – участ-

ливо предложил Панкратов.

– Давайте, – согласилась женщина. – А листочек у вас есть?

– Вот этого нет, – спохватился Владислав. – Я попробую у жильцов спросить.

Он спустился на третий этаж и принялся звонить в соседские двери. Но безрезультатно. В трёх квартирах на звонки не отреагировали. В четвёртой ответили, что бумаги не имеется. В пятой на его объяснения проворчали за дверь: «Опять эти Петровы! Затрахали, уроды!»

– Так и знала, что эти крохоборы удавятся лучше, чем листочек дадут, – проворчала женщина в коляске. – Так, знаете что, полиция тут недалеко находится, через дорогу. Отвезите меня туда, там всё и сделаем.

Панкратов раздумывать не стал. Никогда не возивший инвалидов-колясочников, он с трудом спустил женщину на третий этаж и на лифте на первый. Далее предстояло скатить её по крутой скользкой лестнице, а потом через плохо очищенный от снега тротуар, минуя сугробы, доставить в полицейский участок. Несмотря на кажущуюся худобу, женщина оказалась на редкость тяжёлой.

– Тебя как звать-то? – поинтересовалась она, когда Панкратов с трудом преодолел очередной сугроб.

– Владислав, – запыхавшись и не обратив внимания на «ты», ответил он.

– А меня Аделаида Анатольевна.

Неудивительно, что, добравшись до полиции, немолодой драматург был так измотан, что минут пять не мог прийти в себя.

В дежурной части при виде колясочницы возникло некоторое оживление: «Опять эта Петрова! Вот уж повезло! Когда только её Костлявая заберёт?»

Отдышавшись, Владислав обратился к дежурному, изложив суть дела.

– Вы кем приходитесь Петровой? – спросил тот.

– В общем-то, никем. Так, случайный прохожий.

– Ах, случайный прохожий! Так, знаете что, случайный прохожий, она к нам по десять раз в день обращается. По любому пустяку. Работать не даёт.

– Да, но когда инвалида выгоняют из собственной квартиры зимой... Это вы называете пустяком? – возразил Панкратов. – В общем, как хотите, но мы должны написать заявление.

Дежурный после некоторой паузы кому-то позвонил и затем предложил пройти к дознавателю.

Там из сбивчивых и часто прерываемых руганью показаний колясочницы Панкратов узнал, что его сбежавшие квартирантки в тот же день приехали на квартиру матери и после того, как она им не открыла, вооружились инструментами и стали взламывать входную дверь. Не добившись цели, они сняли её с петель и, дав матери десять минут на сборы, выставили её в подъезд.

С Аделаидой Анатольевной проживала внучка – старшая дочь Алевтины – Ася. Она пыталась защититься, но мать набросилась на неё с кулаками и разбила о её голову настольную лампу.

– Где же ваша внучка? – спросил дознаватель.

– Откуда я знаю?! Сбежала.

– Здорово!

Закончив, Владислав выкатил Петрову на улицу.

– Ну, куда вас теперь?

– Отвези меня к моей подруге. Это тут недалеко, через квартал, – распорядилась Аделаида Анатольевна.

Пришлось ещё помучиться.

– Так что же с вашей внучкой? – повторил он вопрос дознавателя.

– Не знаю. Позвонит, наверное.

– А почему она не с матерью жила?

– Потому что эта шалава от неё отказалась. А она, между прочим, от мужа. Законная дочь. Не то что Анька, которую эта потаскуха неизвестно от кого родила.

– А где же муж Алевтины?

– В могиле. Эта тварь отравила его. А всем разболтала, что он был наркоман. Никаким наркоманом он не был. Нормальный был парень.

– Зачем же она его отравила?

– А чтоб пособие на детей заполучить. И самой на него жить. Аська так до восемнадцати лет ни копейки с этого по-

собия не получила. Мы с мужем сами её вырастили. За свой счёт.

– И её не осудили за убийство мужа? – удивился Владислав.

– Да кто осудит? В этой долбаной стране правосудие, что ли, есть? Сделали заключение: сердечная недостаточность. Вот и весь сказ. А парня нет.

При расставании Панкратов и Петрова обменялись телефонами.

– Ты давай тоже заявление на неё напиши, – напоследок распорядилась Аделаида Анатольевна. – Раз она тебе задолжала, так пусть отдаёт. Посадим эту мразь!

Владислав, хотя и не был столь скаредным, всё же решил последовать её совету, так как был в большом замешательстве от неожиданного побега квартиранток и последующих событий.

В своём отделении полиции он выяснил, что Алевтина неоднократно обвинялась в кражах из магазинов, имеет условную судимость, а её несовершеннолетняя Аня состоит на учёте в отделении полиции. Однако возбудить дело в отношении задолженности за проживание в полиции отказались, поскольку Панкратов по душевной простоте не заключил с квартиранткой договор.

Зато выяснилась причина столь скоропалительного побега. Накануне Алевтина с дочерью совершили кражу в магазине одежды, попав на камеру видеонаблюдения. Потерпевшая

владелица магазина передала запись в полицию, и та устроила дежурство возле его квартиры. Но тем каким-то образом удалось сбежать.

С этого дня спокойная размеренная жизнь драматурга резко изменилась. И виной тому стала новая знакомая – Аделаида Анатольевна Петрова. Она звонила по несколько раз на дню, обращаясь с разными вопросами: нет ли у него хорошего адвоката и риелтора, подал ли он заявление в полицию и тому подобное. Всякий раз она разражалась бранью в адрес своей дочери, так что скоро Владислав выучил все её ругательства наизусть.

– А что с Асей? – всякий раз спрашивал Панкратов.

– Не знаю. Не звонила, – равнодушно отвечала Петрова.

– А вы в больницы не обращались? Её же избили.

– Нет. Я номеров не знаю больниц. У неё эпилепсия. Может, приступ был.

Владислав понял, что придётся действовать самому. Потратив час на выяснения, где лечат больных эпилепсией, он выяснил, что Ася, скорее всего, в психиатрической больнице за городом. Разыскав номер этой больницы, он узнал, что девушка в самом деле там. Но сообщить ему какие-либо подробности категорически отказались.

«Ну вот, обрадую бабушку!» – подумал драматург. Однако та большой радости не проявила, а лишь в очередной раз обратилась с просьбой: «мол, у подруги она больше прожить не может, нет ли кого, кто сдаст ей комнату, и не поищет

ли он ей адвоката?»

Панкратов ответил, что она может пожить у него и денег он не попросит.

«Там, где жила эта потаскуха?! За кого ты меня принимаешь?» – разоралась старуха.

Всё же ей удалось снять комнату в доме неподалёку от своего. Из полиции же пришёл отказ в возбуждении уголовного дела против Алевтины.

Через Союз писателей Владиславу удалось выйти на опытного адвоката. О чём он тут же уведомил Петрову.

«Давай завтра съездим, – предложила та. – Подъезжай, я такси найму».

И вновь пришлось повкалывать с её коляской. «Этак я здоровяком стану на старости лет», – подумал Панкратов.

Однако адвокат старухе чем-то не понравился. «Нет, душа к нему не лежит. По глазам вижу, содрать с меня побольше хочет. Другого поищем», – заявила она. И спустя пару месяцев, перебрав ещё тройку адвокатов, она остановила свой выбор на молодом и перспективном (как её кто-то заверил) специалисте. Он стал готовить документы в суд.

Ася выписалась из больницы, когда уже наступила весна. – Мы хотим сходить домой и поговорить с этой мерзавкой, – по телефону сообщила Аделаида Анатольевна. – Помоги нам, всё же с мужчиной безопасней. А то как бы «кобели» этой твари не напали.

Отказаться Владислав не смог и через час прибыл на

съёмную квартиру Петровой.

Тут он впервые увидел Асю, оказавшуюся премилой голубоглазой, светловолосой девушкой, мало схожей с кареглазой сестрой. У неё был ласковый, проникновенный голос, и Панкратову отчего-то захотелось назвать её птичкой. Его очень удивило, как при своей хрупкости она ловко управляется с коляской бабушки. Всю дорогу до их квартиры он старался при всех неровностях, подъёмах и спусках забирать у неё коляску.

Однако, сколько бы они ни стучали в по-прежнему изуродованную дверь, никто им не открыл.

– Будем ждать, – сказала Аделаида Анатольевна. – Сможешь? – обратилась она к Владиславу.

– Ну, часа два у меня есть, – взглянув на часы, ответил тот.

– Давайте спустимся на улицу.

Когда же они оказались перед домом, сверху послышался громкий крик:

– Ты никогда не будешь здесь жить!

Посмотрев вверх, они увидели на балконе Алевтину с Аней.

– Я тебя посажу! – в ответ пригрозила колясочница.

– Кишка тонка, – со смехом возразила дочь. – Катись отсюда!

– Послушайте, как вам не стыдно так обращаться с собственной матерью, инвалидом? – не выдержал Панкратов.

– А это вас не касается. Не суйтесь в чужие разборки.

Владиславу не терпелось спросить Алевтину, что делать с её вещами, но он постеснялся из-за зевак, которые, отложив дела, ради чего вышли во двор, с большим интересом наблюдали происходящую сцену.

Пришлось уйти ни с чем.

Неделю спустя Петрова позвонила Панкратову и сообщила, что Асю мать вновь избил, случайно повстречав на улице. С ней опять случился припадок, и её положили в ту же больницу.

– Бедная девочка, как же ей не везёт! – воскликнул Владислав.

– Она раньше два раза с собой пыталась покончить, врачи еле откачали, – сообщила бабушка.

Затем начались судебные проволочки. В связи с неприбытием обвиняемой судья дважды откладывал судебное заседание на месяц. Петрова звонила своему добровольному помощнику чуть ли не каждый день, часто приглашая его приехать и поговорить с глазу на глаз, так как она подозревает, что мерзавка дочь прослушивает её телефон. Панкратову иногда приходилось идти ей на уступки, и всякий раз она делилась с ним своими подозрениями, что и нанятый ею адвокат, и вся полиция подкуплены уголовницей дочерью.

Владислав уже пожалел, что ввязался в эту историю, но при мысли об Асе, такой милой и такой несчастной, признавал, что придётся помогать бабушке. Девушка выписалась уже осенью. Когда Петрова сообщила ему об этом, пригласив

помочь в очередной раз, он вдруг почувствовал, что очень хочет навестить их, хотя последнее время приезжал к Аделаиде Анатольевне с большой неохотой. Он побрился с особой тщательностью и внимательно разглядел своё лицо в зеркале – одутловатое, морщинистое, с приличного размера залысинами, с шеей в ужасных складках, как у черепахи.

Жизнь драматурга в последние десятилетия упростилась донельзя и проходила по одному маршруту: дом, театр, иногда Союз писателей, гастроном, рынок и поликлиника в качестве разнообразия. За модой он не следил, чем заслужил насмешки главного театрального щёголя, второго режиссёра Владлена Свирского.

Но сейчас Панкратову отчего-то захотелось одеться не в привычный костюм, а более молодёжно. Он открыл шифоньер и нашёл джинсы и водолазку, которую надевал ещё в студенческие годы. С трудом натянув её и едва не порвав, он с удовлетворением отметил, что его страшную шею она всё же закрыла. «Надо купить новую, – подумал он, – по размеру». Пока же накинул сверху ветровку, а залысины прикрыл кепкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.